

КРОКОДИЛ

№ 27

Этот номер „КРОКОДИЛА“ выходит в 4 изданиях: московское, основное, ленинградское и урало-сибирское.

Урало - Сибирское издание

М. Черемных

ВПЕРЕДИ ВСЕХ

— Ну, и лентяи! Я уже уборку собираюсь начать, а они еще сеять не кончили!

ЧЕЛОВЕК В МАГАЗИНЕ

У ТЕХНИКА Прыгунова сидел молодой, кудреватый завмаг Лобовой и, заикаясь от волнения, безнадежно махал руками:

— Ты п-понимаешь, Алексей, я — погибший человек! Я потерял всю свою жизненную зарядку, потерял веру в людей, аппетит, сон — все потерял. И все, из-за этого проклятого магазина. Ты посмотри, каким я был и каким я стал.

Прыгунов посмотрел на исхудавшую, физиономию друга, и покачал головой.

— М...м-да! Дистанция огромного размера. Потом, опасливо притворив дверь, он придвинул Лобовому холодный чай и тихо спросил:

— В чем дело? Растрата? Хищения? Лобовой покраснел так, что на лице его разом пропали все веснушки.

— Алексей! Как тебе не стыдно! Я к тебе, как к лучшему другу, а ты... Если так, то я и разговаривать с тобой не буду! Не ожидал я от тебя! Прощай!

И он заметался по комнате, ища затерявшуюся кепку. Прыгунов насильно усадил друга.

— Постой, Сергей! Если пришел за советом, — не обижайся, а говори толком. Ну?

Лобовой отхлебнул чай, вздохнул, и руки его завертелись, как крылья мельницы.

— Вот видишь, Алешка, даже ты подозреваешь меня в хищениях и растратах! А ведь ты мой лучший друг. Что же говорить о других? С тех пор как я стал завмагом, у меня нет друзей. Я чувствую себя зайцем, окруженным стаей голодных волков. Все все —

и Васька Пospelов, и Колька Чекунов, и Закаатов, и Никольский, и Крауз — они изменились ко мне. Они улыбаются мне в лицо какими-то особо слащавыми улыбками, за глаза ругают и приглашают к себе только для того, чтобы в конце вечера отвести в уголок и спросить с деланной небрежностью:

— Слушай, Сережка, у тебя там не найдется чего-нибудь такого... этакое... из продовольствия или какого-нибудь там ширпотреба. Будь другом, устрой, пожалуйста...

И когда я им говорю, что я не жулик и получаю столько же, сколько другие, — они щечкочут меня, хлопают по плечу, подмигивают и деланно смеются.

— Ну, ну, брось трепаться-то. Скажи лучше, когда можно зайти?

И они заходят ко мне на службу и на дом, осматривают все вокруг подозрительным, ищущим взглядом, долго тянут ненужные и скучные разговоры и уходят злые и обиженные, непременно шепнув на прощанье:

— Ну и подлец же ты все-таки, Сережка! Не ожидал я от тебя.

Но это еще ничего. Самый главный ад — у меня дома. Ты знаешь, что я недавно женился. Вначале я был очень счастлив с женой, а потом... потом меня назначили заведующим магазином. Узнав об этом, жена прыгала до потолка и на другой же день стала просить новое платье и какие-то невероятные вещи к обеду и к чаю. Потом были слезы, упреки и истерики... А когда я, побежденный жениными

слезами, взял аванс и купил ей материи на платье и коробку дорогих конфет, — стало еще хуже. Женины родственники и подруги осаждают нас целыми тучами, изумляются скудости нашей обстановки и наших обедов и рассказывают целые легенды о жизни других завмагов. Жена, слушая их, крепится, но после их ухода плачет и проклинает тот час, когда она решила выйти за меня замуж.

— Ниночка, — говорю я ей, — ведь мы живем совсем не так уж плохо. Другие живут хуже нас и не плачут.

— Да, — отвечает она, — если бы ты был техником или счетоводом и мы жили бы так, как сейчас, — я бы тебе ни слова не сказала! Но ведь ты — завмаг, ведь надо мной же все смеются!

И слезам ее нет конца... Теперь мы никуда не ходим и никого не зовем к себе, но от этого не легче. Сегодня утром, например, я случайно слышал разговор жены с ее матерью. Мать уверяла жену, что у меня непременно есть одна или две семьи на стороне.

— Иначе, — говорила она, — непонятно, куда же он носит все продукты и вещи. Спроси у него прямо, потому что так дальше продолжаться не может. Мой зять — завмаг, а я до сих пор не могу сшить новой шубы. Объянись с ним раз и навсегда.

Я не стал дожидаться объяснений, поти хоньку удрал черным ходом и по дороге в магазин все думал, — как мне быть: развестись с женой и повеситься или переменить профессию и уехать куда-нибудь на Маточкин Шар. Дело в том, что я очень люблю и жену, и работу... вместе с тем знаю, что дальше так жить нельзя. И вот я решил забежать к тебе по старой дружбе. Что ты скажешь? Может быть, мне пойти по технической части? А?

Прыгунов, неподвижно слушавший друга, отрицательно покачал головой.

— По технической части — не советую. Ведь на это нужно время. Пока ты переквалифицируешься, пока то да се... Чем же ты жить будешь? А вот если перейти на более или менее похожую работу... это другое дело.

Лобовой оживился: — Понимаешь, я сейчас на очень хорошем счету. И мне предлагают заведывание большим универсальным магазином. Работа очень интересная, ответственная... только я... боюсь.

Прыгунов похлопал приятеля по плечу.

— Чего же ты боишься? Ведь предлагают?

— Предлагают. Только я боюсь, что в универмаге еще хуже будет. Ведь там, кроме продовольственного, семь отделений: готовое платье, мануфактура, спортивное, детское...

Прыгунов встал и обнял Лобового:

— И думать не могли отказываться. Новая работа тебя освежит, рассеет. Ты подумай только. Мануфактурное, спортивное, детское.

И, засмеявшись деланным смехом, он пощекотал Лобового подмышками.

— Переходи, плутишка, немедленно! Говорю тебе, как лучший друг! Брось все черные мысли и переходи. И как только перейдешь, — будь друг, устрой моей жене креп-де-шину на платье.

Лобовой дико посмотрел на приятеля, опрокинул недопитый чай и, не прощаясь, пулей вылетел в прихожую.

— Куда ты? Куда ты? — кричал Прыгунов. — Ты хоть кепку-то захвати.

Но Лобовой уже хлопнул выходной дверь.

Когда через минуту в прихожей раздался звонок, Прыгунов с улыбкой пошел навстречу, думая, что Лобовой вернулся за кепкой.

В дверях стояла жена Прыгунова и вопросительно глядела на мужа:

— У тебя сейчас, кажется, Лобовой был?

— Да.

— Ты напоил его чаем? Как у него сейчас дела?

— Неважно. В универмаг ему предлагают перейти.

— В универмаг? Ну, и что же? Он обещал тебе что-нибудь?

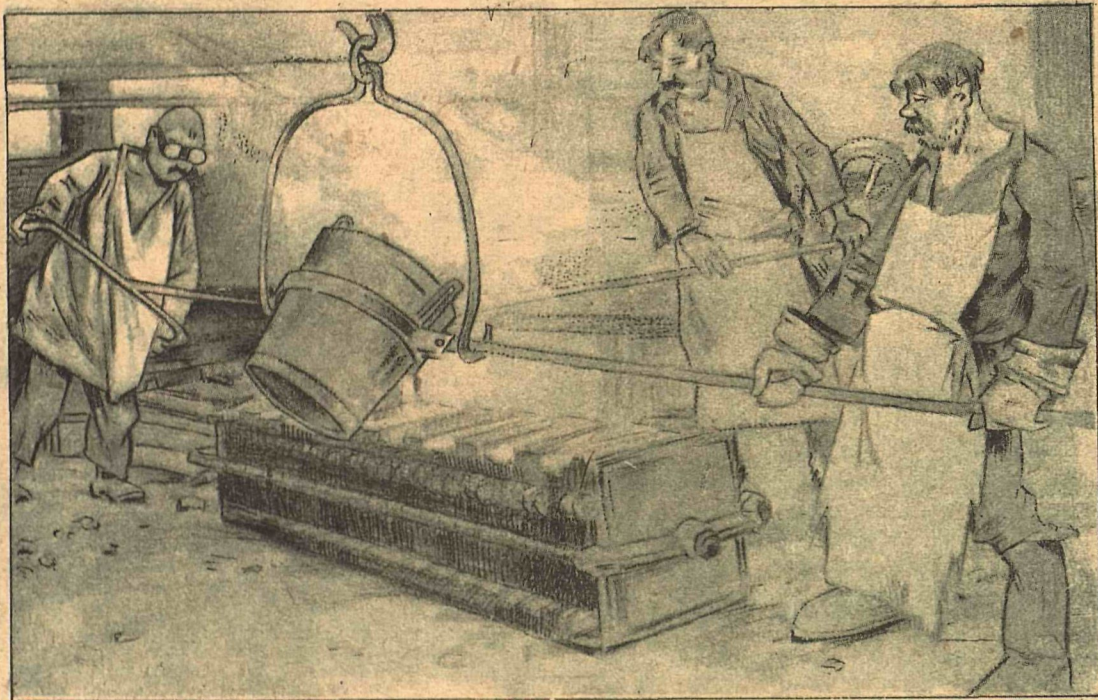
Прыгунов безнадежно махнул рукой: — Ну! Разве с ним сговоришься. Ты же знаешь, какой он чудак?

— Не он чудак, а ты чудак!

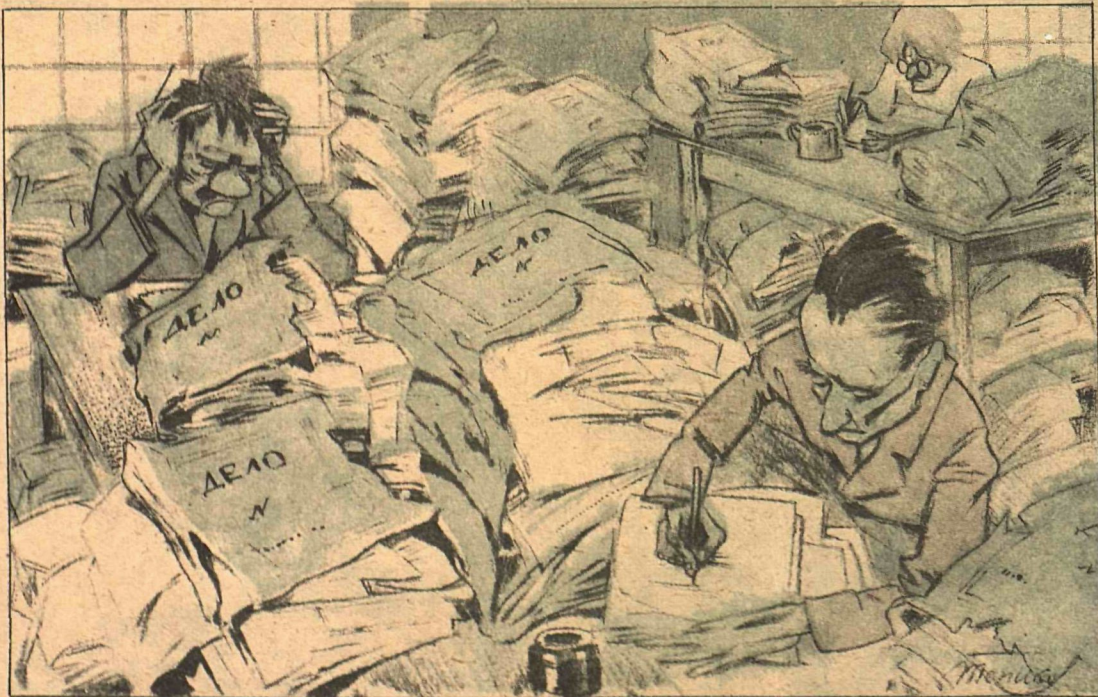
И злобно скривив рот, жена Прыгунова стала нервно расстегивать пальто.

— Не понимаю! У человека лучший друг заведует универмагом, а у нас запасы совсем к концу подходят. Ну, что ты стоишь, как истукан? Дай хоть мне пройтись!

А. Топиков

СУДЯ ПО ЛИТЕЙНОМУ ЦЕХУ. — МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЗАВОД...

А — ПО ЗАВКОМУ. — БУМАЖНАЯ ФАБРИКА.

Вас. Лебедев-Кумач.

У ИЗГОЛОВЬЯ ТЯЖЕЛО БОЛЬНОЙ ГЕРМАНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Наши заслуженные

2. Д. С. МООР

3. М. М. ЧЕРЕМНЫХ

ДЛИННЫХ речей не нужно, —
Короток разговор:
Не зря получили «заслуженных»
Дени, Черемных и Моор.
В октябрьской грозе и буре
Росли, закаляясь, они
В „Правде“, в «Росте» и в ПУР'е —
Моор, Черемных и Дени,
В «Безбожнике» и в «Крокодиле»
Сверкал их отточенный штрих.
Врагов беспощадно били
Дени, Моор, Черемных.
Многим от них досталось.
Многие вышли в тираж,
Много голов сломалось
Об их боевой карандаш.
И нынче все так же дружен
Их едкий и меткий задор.
Не зря получили «заслуженных»
Дени, Черемных, Моор.

Должно быть ангельские хоры
Пугались сильно и не раз
Белесовато ясных глаз
И крепко сжатых губ Моора.
Мооровской пронзенный злостью
Давно знакомой маской стал
И крючконосый Капитал
И парикмахерский Христосик.
Устав громить над облаками
Веками выросшую чушь,
Отставив кисти, краски, тушь, —
Моор... играет с голубками.
Он кормит ворона ручного:
— Ну, что, старик? И ворон: — Кар-р!
А завтра едим блан-э-нуар
Убиты боги будут снова.

Враг графаретов прописных,
В борьбе за новую культуру
Создать стремится Черемных
Станковую карикатуру.
В плакатах — карикатурист,
В карикатуре — он плакатен,
В рисунке черном — станковист, —
Он ищет всюду сочных пятен.

Автошарж

Он басом пламенно гудит
И смех бросает, точно ядра.
— Я подкупаюсь, погоди,
Под самого, под Леонардо!
Нам форма новая нужна!
И целый час проспоров с жаром,
Он скажет: — Канитель одна!
Здесь только время тратишь даром.
И неестественно прямой,
По-пионерски руку вскинув,
Он заспешит к себе домой,
Широкую расправив спину.

„Кронодил“.

А. Майкель

1. В. Н. ДЕНИ

ДЕНИ манерой и хваткой
На собственный походит штрих:
Все аккуратно, четко, гладко —
Кашне, фуражка и перчатка,
И голос ровен, глух и тих.
И весь он тих. Лишь глазами серым
Покажет вдруг лихую прыть...
А между тем он всем премьерам,
Министрам, лордам, пэрам, сэрам
Сумел изрядно насолить.
И часто где-нибудь в Женеве
В дипломатические дни
Послы пробор склоняют в гнев
Над злыми шаржами Дени.
Его и знают и боятся.
И, подмигнув, смеется он:
— Я, стало быть, привык возвращаться
Среди сиятельных персон.

Кукурыничсы

ДРЕБЕЗГИ

ФИЛОСОФИЯ НА КАНАТЕ

Форд не только прогорает. Он еще и философствует. Вперемежку. День прогорает, день философствует. И последнее он делает много хуже. Вот блестящие его философские мысли о безработице.

„Я всегда имел работу, безразлично, нанимал ли меня кто-нибудь или нет...“

Я очень рано нашел, что не быть нанятым не означает еще находиться без работы“.

И действительно: утром зарплату снимает, днем тысяч десять рабочих уволит, вечером завод приостановит, — так, глядишь, весь день и проходит в суете и занятиях... Скучать некогда.

СЦЕНА НА АРКАНЕ

Через прусский ландтаг гитлеровцы уже успели провести закон о том, что

„...все пьесы с антинациональными и пацифистскими тенденциями должны быть немедленно изъяты из репертуара“.

Особенно нужно последить за Шиллером. Нельзя же, на самом деле, в дни гитлеровского торжества ставить пьесы с таким вызывающим названием, как „Разбойники“...

ТЕХНИКА СВЫШЕ

В некоторых густонаселенных пунктах Америки подготовка молодой технической интеллигенции ведется довольно странными путями. Так, по сообщению „Юнайтед пресс“, в г. Раллей

„Профессор колледжа, штат Сев Каролина, Вильям Броун провел весь сегодняшний день в покаянии и молитве, надеясь таким путем повысить уровень знаний своего класса по электротехнике“.

По непроверенным еще сведениям тот святой, которому молился раллейский профессор, внимательно выслушав его молитву, скромно заявил:

— Извините, ничего не могу поделать: я сам с низким образованием.

НЕУДАЧНАЯ МОТИВИРОВКА

По сообщению французских газет

„...в Америке покончил с собой артист русского балета Семенов; в предсмертной записке он объясняет причину самоубийства тем, что за границей нет больше искусства, а есть только бизнес“.

Повидимому, самоубийца перед смертью не читал долгие газеты. Иначе бы он убедился в том, что за границей не только нет искусства, но и сам бизнес уже успел прекратиться.

ИЗЛЮБЛЕННОЕ ЗРЕЛИЩЕ

По сведениям из Парижа

„...в виду кризиса отказано в государственной помощи всем театрам“.

Единственный театр, который все-таки не будет даже при кризисе чувствовать в Европе недостатка в средствах, — это театр военных действий. Недаром и репетиции к началу сезона идут бесперебойно.

ГЛАВНЫЙ НЕСЧАСТНЫЙ

ТЕРЕНТИЙ ШАПОШНИКОВ был такой чернявый широкоплечий малый и гладкий, как сом. Походка у него ленивая, с перевальцем, и глядел он всегда как-то через плечо, неохотно и очень жалобно. У него были такие же брюки, как у нас, и такие же ботинки, как у нас, такая же кепка, но на нем все это выглядело чрезвычайно тоскливо, и у кепки, низко надвинутой на глаза, было выражение „все погибло“. Уж о том, что койка его была помята и одеяло с'езжало набок, и говорить не приходится. Его койка в солнечном Крыму и то испортила б весь пейзаж. Койка выглядела осенней тучей, а когда он лежал на ней и спал, то смотреть нельзя было, так делалось на душе тоскливо. Есть он любил, но чтобы сходить на рынок или постоять у примуса, этого не бывало. Ел он много, но не с охотой, и будто тебе одолжение делает...

Мы сидим за столом. Занимаемся, готовимся, и он тут же сидит, облокотив свою голову, и зеваает.

— Скучно.

— Почему же тебе скучно, Терентий?

— Да так что-то скучно. Невесело.

— У тебя что болит? — спрашиваем мы. Видим у парня действительно физиономия грустная.

— Да нет. Так. Ничего не болит. Только что-то сердце ноет.

— Сходил бы к доктору.

— А чего я там не видал?

Тогда мы говорим ему:

— Сиди спокойно и не ной.

А он обижается:

— Если мешаю, то уйду.

И так это он говорит безнадежно, что невероятно делается его жалко и просишь:

— Сиди, пожалуйста.

Он будто и не слышит и еще надрывней:

— Что ж, я могу и уйти. Я вижу, вам надоело.

— Да сиди! — прямо крикнешь на него. Уж очень он мог разнервничать.

Терентий ничего не возразит, только так посмотрит через плечо, что сразу чувствуешь себя перед ним виноватым, и жалость берет и отчаяние.

Говорим ему:

— Что ты все сидишь в комнате? Пойдем, погуляем.

— Мне не до гулянок, — скажет он так, что и нам с Колей никуда не хочется итти... Он часто без причины вздыхал и говорил мне и Николаю:

— Вам хорошо.

— Ну, а тебе-то чем плохо? — спрашиваем мы.

— Где уж мне с вами сравниваться, — отвечает он, точно неизлечимый больной.

— Да почему тебе с нами не сравниваться. Ты такой же комсомолец, как и мы, на такой же работе и в такой же комнате живешь.

— Мало что, — тянет он, — вам хорошо рассуждать.

И опять не сдержишь себя и скажешь что-нибудь лишнее, а он только посмотрит на тебя своим коричневым круглым глазом, и весь день ходишь сам не свой и ни к чему не хочешь притрагиваться.

Вначале, когда он переехал, опять к нам стали ходить ребята, но потом быстро бросили.

— Да ну вас, — сказали они, — в болото. К вам придешь, а там этот Терентий такую тоску нагонит, и не рад, что на свете живешь...

Идем в кино, в клуб. Зовем его:

— Пойдем, развлечешься.

— А чего я там не видал, — отвечает он. — Это вам хорошо.

Плюнешь и уйдешь без него, а когда возвращаться и вспомнишь, что он там в комнате, так прямо неохота итти домой. Вот пришли, а он, должно быть, уж выпался и сидит на кровати, позевывает:

— Раздевайся, — говорим ему, — и ложись спать.

— Мне чего-то не спится, — жалует он. — Все что-то не спится.

Мы не вступаем с ним в разговор. Думаем: „аллах с ним“ и тушим свет. Он все храхтит, вздыхает и через каждые пять минут на что-нибудь да пожалуется. Ут-

ром проснешься, а он спит, не раздевшись и в такой отчаянной позе, что и с чаем неохота возиться — уйти бы скорей.

Начался футбольный матч. Мы с Николаем интересуемся. Разговариваем, а Терентий замечает:

— Вот вы счастливы: и туда ходите и на футбол ходите.

— Кто же тебе не разрешает? И ты бы сходил.

— Меня никто не приглашал. Разве станет меня кто приглашать?

— И нас никто не приглашал, сами пошли, и ты бы сам пошел.

Он и не слушает:

— Разве меня кто станет приглашать. Я только от вас слышу про этот футбол, а то бы и не знал.

— Афиши за две недели вперед висели, — говорит ему спокойно Николай.

— Это их надо прочесть, а разве у меня есть время возле них останавливаться?

Объясняем ему, что мы не меньше его заняты, и все-таки прочли афишу. И всего на это две минуты требуется... Но объяснить ему, товарищи, бесполезное дело. Ему не объяснишь!

И все ему мерещится, что кто-то его обижает. То ко мне пристанет то к Николаю. То ему кажется, что я на него злюсь, то Николай на него косится.

— Да никто на тебя не злится. Да никто о тебе и не думает. Отстань ты, ради бога!

— Ну, конечно, — тянет он, — обо мне никто не думает. — И в комнате станет пасмурно от его голоса и его взгляда, и хоть на дворе солнце, а кажется, — сейчас пойдет снег.

Идем в баню, зовешь его, — не идет, а придет из бани, — плачется:

— Вам хорошо, вот вы чистые, помылись,

— Ну, а ты чего с нами не шел! Ведь мы тебя звали, Терентий.

— Да, звали, но так звали, что думал, — не хотите, чтоб я шел. А разве я вам мешал бы? Я бы тоже помылся, а один никак не выберусь...

Нарочно молчим, сдерживаемся, а он еще целый час ныл, что мы его никуда не берем и избегаем его и чего-то сердимся.

— Да никто на вас не сердится, — вспылит я раз и сказал ему на „вы“. И он дней пять ходил обиженный, не ел с нами и чаю не пил и на работу уходил один. В комнате и так с ним невесело, а тут еще он дуется, стало жалко, и я с ним первый заговорил, хоть никакой вины за собой не чувствовал. Он обрадовался и весь вечер скулил: и о том, что нет товарищеских отношений, и что люди эгоисты и только думают о себе, а на других им плевать...

Дали нам два билета в театр. И я и Николай сказали:

— Вот тебе, Терентий, билет, а другой мы с Николаем разыграем: либо я пойду, либо он. Терентий обиделся:

— Что же вы меня выделяете, и я хочу жребий.

Ну ладно, коли так. Только мы хотели чтобы он обязательно пошел, так как он в театре бывает редко, но раз сам предложил жребий, то давай жребий. И, конечно, он не вытащил.

— Я так и знал, — сказал он, — я самый несчастный человек на свете. Мне не везет в жизни.

— Знаешь что, Терентий, хоть ты и не вытащил жребий, на тебе мой билет — и ступай.

Он не берет:

— Раз я несчастный, так мне и не надо в театр ходить.

Долго уговаривали его, но из этого ничего не вышло. Махнули рукой и сами пошли. А вернулись, — и не рады были, лучше бы не ходили. Он за это время выпался и всю ночь скрипел. Он отравил нас существование, и мы начали подумывать, как бы от него избавиться. Вот раз в клубе рассказываем мы о своей судьбе знакомым ребятам, а тут подвернулся один паренек, назвал он себя Шурой Беловым и предлагает освободить нас от этого „главного несчастного“ и переселиться к нам, а чтоб тот на его место. „Ладно, — думаем с Колей, — хуже не будет“.

И вот на следующий день вечером приходит Шура и говорит очень громко (а, может, нам показалось, что громко: за время сожительства с Терентием в одной комнате мы отучились полным голосом разговаривать). Вот это, значит, Шура говорит:

— Где он тут, этот ваш „главный несчастный“?

Мы ему шлепаем глазами: мол, вот он лежит, неудобно и потише. Белов прямо подходит к его кровати и говорит:

— Терентий, на тебя жалуются товарищи, с тобой тяжело жить, — скулишь очень. Давай обменяемся койками.

— Мы не говорим этого, — вмешался я испуганно. Терентий посмотрел на нас через плечо печально и спрашивает:

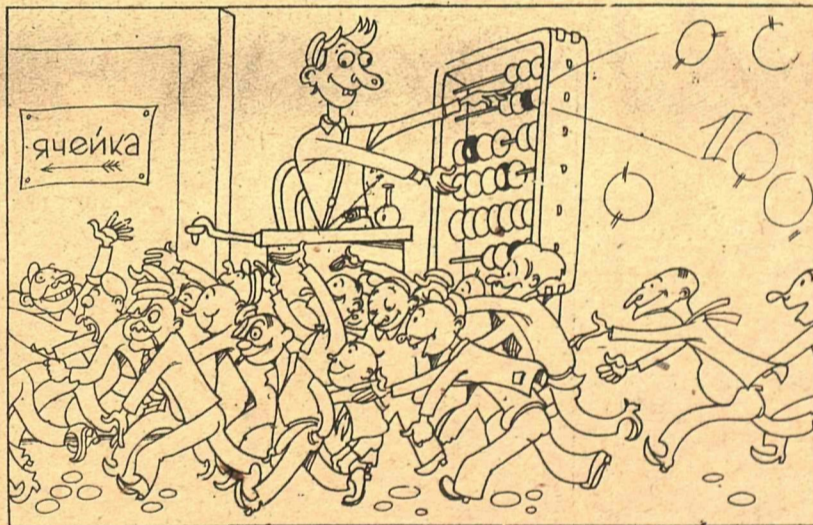
— Это правда?

— Это правда. Они тебе не скажут, но это правда. Я парень откровенный, — не дал нам и рта открыты Шура Белов.

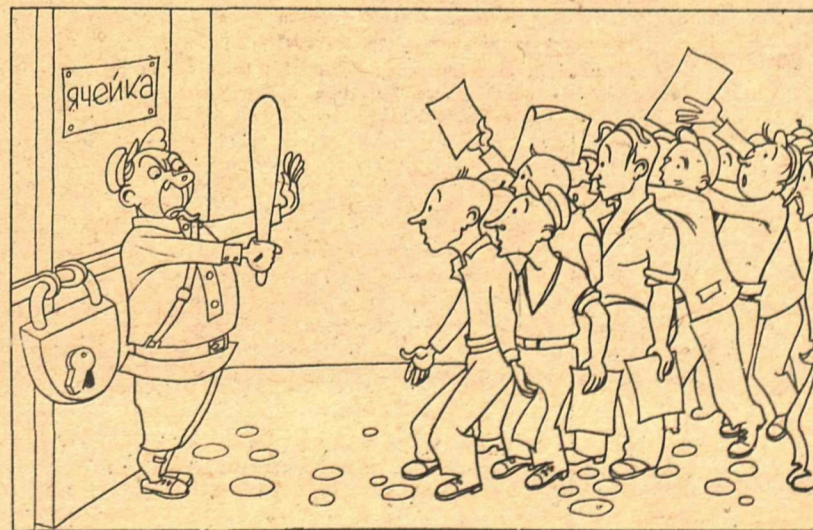
Терентий молча забрал свою корзину и молча ушел. Мы открыли форточку, и солнечные зайчики заиграли у нас на стене и на наших одеялах. Теперь, думаем, заживем. Но этот Шура Белов, этот откровенный парень вскоре показал свое настоящее лицо... Он нам отравил существование. Про этого откровенного парня и как мы от него избавились я вам расскажу еще как-нибудь.

О ПАЛКЕ, КОТОРАЯ ПЕРЕГИБАЕТСЯ

В. Брискин

ИНОГДА РОСТ КОМСОМОЛА РЕГУЛИРУЕТСЯ ТАК...

А ИНОГДА ЭТАК.

ОБЩЕСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ СВЯЩЕННА И НЕПРИКОСНОВЕННА

ТРУДНОЕ ДЕЛО

— Что вы бездельничаете? Работы, что ли, нет?

— Какой там! Работы — хоть завались. Только вторую неделю ждем, кто больше даст!

ВК 1932

ПОЭМА О НЕИЗВЕСТНОМ СОЛДАТЕ

П АРИЖ,
Воздающий известности честь,—
Твоих знаменитых
По пальцам не счесть.

Идешь
Под аркадами рю Риволи,—
Громада Бальзака
Навстречу валит.

Чуть вымолвишь:
— Вы кто?

И вспомнишь:
— Ого!
Ведь это ж известнейший
Виктор
Гюго.

Считай,—
Арифметика славы проста,—
Здесь каждый второй из прохожих—
Ростан.

Не счесть знаменитых,
Известных не счесть!
Но город
Воздал неизвестному честь.

Тебе,
О, Париж,
Мой восторженный стих!
Я рад
Умереть на бульварах твоих.

Ты женственно суетен.
Что же!
Я рад
Твоей суете
Отдавать вечера.
Ты женственно нежен
В колье фонарей.
А площадь Согласья
Похожа на рейд.

И ровно двенадцать
Потоков езды
Впадают,
Как в озеро,
В площадь Звезды.

Париж многолюден.
Но в непогоду,
В дождь
К кому из известных
В Париже пойдешь?

Пред кем позлословишь
(Идет к сорока)?
В гробу замурован
Вольтеров сарказм.
И Франс не услышит
Сквозь мраморный сон.
Пожалуй,
За Франса
Ответит Бруссон!
О Герцене вспомнишь,
Бродя по Пасси,
А Гессена встретишь,—
Господь, упаси!
И ходит,
Дождю подставляя бока,
Московский поэт,
Неизвестный пока.
Такси нанимаю,
Шофера гоню:
— Plus vite!
На могилу
Soldat inconnu.

Париж!
Панорамы твои хороши.
Полей Елисейских
Мне нравится ширь.

Мне нравится
Улиц крутой поворот
В разинутый рот
Триумфальных ворот.

Он вечно распахнут,—
Смелее кати!
А улицы пахнут
Духами „Коти“.

Гляжу и поныне
В парижскую даль:
Нет площади лучше,
Чем place d'Etoile!

Здесь велено
Вечно цвести резеде,
Здесь шляпу снимает
И сам президент.

Здесь некогда факелом вспыхнувший

Газ
За долгие годы
Ни разу не гас.

Вечерняя свежесть
Bois de Boulogne
Весьма деликатно
Колышет огонь.

Приезжего
Гиды подводят к огню:
— Знакомьтесь!
Известный
Soldat inconnu.

Париж!
Презирая безвестности тишь,
Ты
Гроб своего неизвестного чтишь.

Ты к мертвым,
К прославленным мертвым
Привык.
Но
Время шагает
Шагами живых.
Их трудно упомнить,
Их счесть мудрено.

Взгляни-ка туда,
За заводы Рено!

Париж,
Воспаленные веки подняв,
Глядит
В неизвестность грядущего дня.

А в небе Парижа,
В ночной темноте
Горят
Вместо звезд
„Figaro“ и „Matin“.
Тревожные сроки!
Тревожные дни!
„Толпой неизвестных...
...вчера...
...в Сан-Дени...“

О, пламенных знаков
Стремительный пляс!
„Протест неизвестных...
...Сегодня...
...на „place“...“

Я в небо,
Газетное небо,
Смотрю:
„Арест неизвестных
сегодня
...на „gue“.
Но
Новые строки
Горят и парят:
„На place d'Etoile
...послезавтра...
...парад...“

Париж
Воздаст неизвестному честь“...“

Париж!
Неизвестных —
Запомни —
Не счесть!

Эммануил Герман.

ДЛИННАЯ извилистая очередь преградила ему путь. Из кооператива один за другим выходили улыбающиеся обыватели, кокетливо неся перед собой флаконы одеколона, перевязанные разноцветными ленточками.

Если кто-нибудь по забывчивости привычно ударял рукой о донышко, чтобы вышибить пробку, окружающие останавливали его и произносили следующие слова укора:

— И как вам не стыдно так не деликатно обращаться со столь деликатным предметом?

После чего изящным жестом освобождали пробку от разноцветных ленточек смачивали одеколоном виски, проводили благоухающими руками под мышками и только после этого опрокидывали флакон в горло.

Природа благоухала, и тогда понял Гассан, почему не то ананасом, не то чем-то другим еще более неизяснимо сладостным пахли добреевские яблоки.

У самого сельсовета Гассан имел случай еще раз убедиться в исключительной вежливости добреевцев. Милиционер вел арестованного и, как радушный хозяин, вежливо пропускал его вперед во все двери.

Гассан прошел за ними и очутился в сельсовете.

И снова, как ручеек, зажурчал его рассказ и, змеясь лиловыми буквами, улегся на страницах протокола.

Гассана попросили подписать протокол и предъявить документы. И подписал протокол Гассан и не предъявил он документов, потому что, как уже сказано выше, не было у него их, и, как Гарун-Аль-Рашид, не мог он назвать себя.

И обратился к нему тогда милиционер со следующими словами:

— Надеюсь, вы не будете возражать, если мы вас задержим впредь до выяснения личностей ограбивших вас злоумышленников.

И показался темен Гассану смысл этих речей.

— То-есть как задержать? Меня задержать?!

— Вот именно, вас, — сказал милиционер и в нижеследующих словах разъяснил свою мысль.

— Воров опознать нам нужно? Нужно. А вдруг не тех воров задержим? Что тогда? Невежливо и незаконно. Другое дело — с потерпевшим. Вы сами заявление сделали. Тут не ошибешься.

И, заметив, как гневно и далеко не вежливо заблестели глаза Гассана, милиционер успокоил его.

— Да вы не волнуйтесь. Как воров опознаете, так сразу вас и выпустим.

И Гассана посадили под замок.

И прошла ночь, бессонная от мыслей и илопов, и первые лучи восходящего солнца застали Гассана у окна в глубоком раздумье и печали. Сначала Гассан думал подать жалобу в районную прокуратуру, но вспомнил, что замечает его Кузьмичев, которому он сам выговаривал за невнимательное отношение к жалобам. И устыдился Гассан мыслей своих.

И когда настало утро, по счету седьмое, решил открыться Гассан и прекратить все беззакония, жертвой которых он стал.

В это время его внимание привлек шум на улице и он услышал знакомое дребезжание колес, напоминавшее голос муэдзина на минарете. И прильнул Гассан к окну, и вот что увидел Гассан. С грохотом, давя гусей и цыплят, промчалась его, хатовская бричка,

Похождения Тассина Хатова (повесть арабская сказка)

Сказка Абрао

(Продолжение)

Иллюстрации К. Елисеева

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО: Любимой книгой дыркинского райпрокурора тов. Хатова были сказки „1001 ночь“. И когда он поехал на рыбную ловлю, случилось так, что его ограбили. Тогда Хатов решил по-доброму Гарун-Аль-Рашиду пройти в роли жалобщика по учреждениям своего района и проверить, как работает милиция. Он подал заявление в ближайшую районную милицию. Там, после продолжительной канители работников, которые отказались и послали его в другое отделение милиции „по месту происшествия“. После долгих скитаний, во время которых Хатов наблюдал нравы добреевских жителей он, наконец, попадает в добреевскую милицию. И вот что с Гассаном приключилось дальше.

и подлец Никита залихватски гикал на добрых пожарных коней с меньшим энтузиазмом, чем если бы в бричке сидел сам Гассан Сергеевич Хатов.

Но в бричке, увы, развалился председатель Добреевского сельсовета, направляясь на рыбную ловлю к прославленным, отливающим при луне серебристой чешуей озерам. И вез он с собой рыболовные снасти, коварные крючки и жирных дождевых червей. Только удочки его были не бамбуковые и не было на них хитроумных рыболовных снарядов.

— О, каналья! О неблагодарный род человеческий! О, прохвост Никита! — вскричал Гассан вслед улюлюкающему Никите.

Но бричка была уже далеко, и только облако пыли оказалось единственным свидетелем превратностей человеческой судьбы.

Тогда Гассан, подавленный всем виденным и пережитым, приготовился уже произнести любимые стихи Шехерезады и в слезах упал без чувств, подобно калифу, брошенному в пустыню. Но в это время загремел замок, и одиночество Гассана окончилось.

Милиционер ввел седовласого правонарушителя, о котором речь уже была выше и еще последует ниже.

— Подать сюда председателя сельсовета! — неожиданно взвизгнул Хатов, который в эту минуту был так же далек от Гассана, как сказки „1001 ночь“ от наших дней.

Но добрые пожарные кони в это время уже мчали председателя Добреевского сельсовета цветистыми лугами, звонкими перелесками и лесными чащами к прославленному рыбным озерам, и поэтому милиционер, вновь запирая дверь на замок, произнес следующие слова:

— Председатель уехал на озимый сев и вернется не раньше, чем через три дня.

И тогда к взволнованному Хатову подошел седобородый правонарушитель, и рука его ласково легла на плечо Гассана.

— Не кипятись, сынок. Вмешается советская власть в наши добреевские дела.

И он рассказал Гассану грустную историю о том, как забрал у него со двора сельсовет корову и его любимого, единственного поросенка Васю и как написал он об этом жалобу в район самому товарищу Хатову и как узнал об

этом председатель сельсовета и зачислил его, старого партизана, в подкулачники и посадил под замок.

И вспомнил Хатов лунную ночь на берегу озера и об'емистую папку с непрочитанными заявлениями, и дергающийся поплавок, и ульвающую по зеркальной глади воды бумагу испанскую старчески-ми каракулями.

— Так вы и есть товарищ Бобылев? — прерывающимся голосом вскрикнул Хатов и виновато пожал ему руку.

— Бежим, товарищ Бобылев! Я им покажу! Я вас в биду не дам! Законность в моем рай-

оне восторжествует.

— Куда бежать? — удивленно спросил Бобылев. — Я никуда не пойду. Я ничего такого не делал. Мне от советской власти бежать нечего.

И после паузы старик добавил подозрительно:

— А ты куда бежать собрался? И тогда Хатов рассказал ему обо всем — и о себе, и о Гарун-Аль-Рашиде, и о своих похождениях, после чего старик помог бежать ему.

ГЛАВА IV, А НОЧЬ 1005-ая

И он проскользнул, никем незамеченный, кроме луны, которая плыла над Добреевым так низко, что чуть не касалась флюгера. И был укреплен тот флюгер на крыше сельсовета и показывал он, откуда дует ветер.

Храпело Добреево. И разносился храп над селом: спал сельсовет, спала ячейка, посыпывало правление колхоза, и так сладок был их сон, что, казалось, они могут пореветь все очередные кампании.

Из-за храпа не слышно было шагов Хатова. Он, не спеша, вышел за околицу, и только звезды лукаво подмигивали ему. И когда Хатов вошел в лес, эхо донесло до него храп добреевских жителей, подобный далеким раскатам грома.

К утру он добрался, до станции железной дороги.

И подумал спасшийся бегством Гассан: „Как попаду я в родное Дыркино, если нет у меня ни денег, ни документов?“

После долгого раздумья, во время которого вставали перед ним статьи и параграфы закона, скрепя сердце, решил Хатов совершить второе в жизни правонарушение и проехать зайцем до родного Дыркина.

Когда к станции подошел поезд и одинокий, дряхлый носильщик с трудом вынес самого себя на платформу, райпрокурор стал правонарушителем, Стараясь принять беспечный, независимый вид, он вышел на перрон и начал приглядываться к поезду, выбирая вагон, в который можно было бы пролезть незамеченным.

Но не успел он еще вскочить на площадку, как проводник встретил полуголого Гассана следующими словами:

— Билет есть? Плацкарта есть? Документы есть?!

И трижды ответил Гассан „нет“, после чего проводник проводил его следующими словами:

— Куда прешь, мурло?

И Гассан остался. Уже далеко маячил сигнальный флажок уходящего поезда, и последняя надежда убежала вместе с ним. И тогда счастливая мысль осенила его.

Абрао.

(Окончание следует)

МИРГОРОД В ЧЕЛЯБИНСКЕ

Что может быть общего между гоголевским Миргородом, достопримечательным огромной лужей и крупнейшей стройкой пятилетки — Челябинским тракторостроем.

А между тем, миргородские нравы не чужды Челябинску.

Всем, конечно, памятна знаменитая ссора Ивана Ивановича Перерепенко с Иваном Никифоровичем Довгочуном.

Но не всем известно о такой же ссоре между Челябинским ЧТС (строительство) и ЧТЗ (будущий действующий завод).

Собственно говоря, и ссоры-то никакой не было.

Произошло просто разделение функций между хозотделом стройки, и организовались два отдела, имеющие общее хозяйство. Вот и все.

Последствия же для строительства от этого разделения получили фантастического, чисто миргородского свойства.

В каждом отделе появился собственный аппарат, собственный «вождь», у каждого «вождя», как принято обычаем, стали собственные фантазии и собственный престиж.

А за собственный престиж «вожди» хозотделов готовы драться до последней капли крови и до последнего клока волос, правда не своего собственного, а чужого — тех, кому приходится иметь дело с отделами.

ЧТС говорит «белое», ЧТЗ констатирует, наоборот, «черное». ЧТС говорит: «мне», а ЧТЗ утверждает: «мое».

Приехал на стройку главный инженер Спецстроя Левинсон. ЧТС встретил инженера с распростертыми объятиями и дал ему ордер на комнату.

Но ЧТЗ не дремлет. Он дает ордер на ту же комнату другому инженеру — «своему».

Оба инженера сталкиваются лбами в комнате и обнаруживают, что комната вообще давно занята конюхом стройки.

ЧТС дает Левинсону другую комнату, но ЧТЗ успевает на автомобиле послать в комнату «своего».

Левинсон, проканителившись несколько дней, плюнул и, купив билет, отправился на вокзал.

ЧТС пришлось срочно с вокзала возвращать работника.

ЧТС везет матрац в комнату «своего».

Но ЧТЗ не дремлет. Пока ЧТС везет матрац для кро-

вати, комендант ЧТЗ забирает «свою» кровать.

Кровать — выморочное имущество, кому она принадлежит — еще не выяснено.

Пока идет спор, квартирант лежит на полу.

На стройке работы идут к концу. Начинается монтаж цехов. В ЧТЗ едут инженеры, техники, мастера, монтеры. Самый горячий, самый ответственный момент подготовки завода к пуску.

Но помещать квалифицированных работников негде.

Квартиры у ЧТС. А в квартирах, каждый в отдельной комнате, живут счетоводы, конюхи, уборщицы, машинистки.

Элемент, правда, не такой уж сверхнеобходимый. Но зато «свой». А инженеры — «чужие».

Правда, квартирантов можно и должно уплотнить. Тем более, что некоторые из них имеют квартиры в городе и перебрались сюда для удобства. Но «престиж» — не фунт баранок.

И инженеры бегают, высунув язык, в поисках квартиры, а счетоводы блаженствуют.

Мы, конечно, не против счетоводов, но мы против гололотапства.

Назавод ходят автобусы ЧТС и ЧТЗ. ЧТЗ возит «своих» по служебным пропускам. Иногда автобусы отходят полупустыми, но «чужих» не берут.

Зато, когда автобусы ЧТЗ портятся, мимо четеезников с грохотом проносятся, не останавливаясь, автобусы ЧТС.

Прокурор стройки имеет не меньшую нагрузку, чем миргородский поветовый судья.

Почти ежедневно Иван Иванович ЧТС приходит с обширной, прекрасно мотивированной жалобой на самоуправство ЧТЗ. В то же время Иван Никифорович ЧТЗ приносит килограмма четыре жалоб на ЧТС.

Прокурор в затруднении. Он пытается примирить почтенных челябинских граждан, уговорить их прекратить ссору и общими силами работать на общую пользу республики.

Но челябинское сражение не прекращается.

«Вожди» хозотделов свирепствуют, клиенты бедствуют, «штандарт скачет и музыка играет».

Кому это надо? Кому?

Бен-Гали.

Руководство Красноуральского комбината действительную борьбу за ликвидацию отставания подменяет юлым администрированием. («Правда»).

М. Храпковский

ОН ВОЗМУЩЕН

— Где же тут ГОЛОЕ администрирование, ежели мы весь комбинат в плакаты одели?

„В РУКАХ У НАС ТАНГО“

На Челябинскостроестроение неплохо проводятся вечера рабочей самодеятельности. Рабочие играют, поют и, что особенно ценно, вносят прямо в президиум рабочие предложения по улучшению производства.

Культурно!

Но завкультсектором завкома тов. Карабанов — человек активный. Он желает собственноручно нести культуру в массы, сеять, как говорил поэт, „разумное, доброе, вечное“.

На одном из вечеров завкультсектором с большим огнем и вдохновением занимался этим посевом. Он исполнял собственное произведение в стихах. Каждый раздел этого стихотворения заканчивался бурным пламенным призывом:

— В руках у нас танго!

Рабочие законно недоумевали. Почему в руках у завкультсектором танго? Не лучше ли было бы ему взять в руки учебник политграммоты или орудие производства?

И потом, почему танго у него именно в руках, а не в ногах? Нам кажется, что завкультсектором Карабанов спутал завком с эстрадой летнего театра и не туда попал.

ДРАГОЦЕННЫЙ ОГУРЧИК

„КРОКОДИЛ“ на стройке с удивлением смотрел на огурчики, продающиеся в буфете ЧТС. Маленькие, желтенькие огурчики отличались только ценой — 45 копеек за штуку.

— Скажите, — спросил „Крокодил“, у Нарпита, — что это у вас за достопримечательные огурчики? Такие махонькие, а ценность какая. Их бы в комиссионный магазин выставить. Тем более, что никто их не покупает. Ведь на базаре огурец большой стоит 20 копеек, а если бы вы наладили самозаготовки, то и за гривенник сколько угодно из колхоза привезти можно.

— Это верно, — признался Нарпит, — но, видите ли, в начале стройки нам некогда было заготовками заниматься. Не до них было. А теперь уж, пожалуй, не стоит. Стройка к концу идет.

ТЕЛЕГРАММЫ ИЗ МАГНИТОГОРСКА

(Не завержены телеграфом потому, что отправлены почтой)

ЗИМА НЕ СТРАШНА

22 августа — Торговые организации готовятся встретить зиму во всеоружии. На площадку начинают поступать теплые вещи. Так, в магазин Уралторга на пятом участке прибыло дамское кротовое манто, ценою две тысячи шестьсот семнадцать рублей. Особых очередей пока нет.

ПОДВОЗ УСИЛИВАЕТСЯ

24 августа. — Завоз теплых вещей усиливается. Магазин в Соцгороде получил еще одно дамское манто неизвестного ни в науке ни в практике доменщиков меха. Цена всего тысяч шестьсот рублей. Очередей тоже нет.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

26 августа. — Открытое партийное собрание ячейки ВКП(б) домны постановило принять к сведению постановление правительства об охране социалистической собственности. Потрясенная вниманием собственность прослезилась. Бюро ячейки получило приветственную телеграмму от двух рабочих щитового городка, барака № 37 — от бес-

партийного Лабыкина и члена партии Андреева. В приветствии говорится:

„Попрежнему ночами ходим воровать овощи с огорода ЦРК и загоняем на базаре. Приветствуем ваше постановление, членом бюро на овощи предоставляем скидку“.

БЕГЛЫЙ ОГОНЬ

„ЗАПЛАЧЕТ ВСЯ МОЯ СЕМЬЯ“

За разбазаривание семян и прочие антиколхозные „делушки“ судили председателя Сейзатского колхоза (Уралобласть) Беллева. Прокурор требовал строгую наказания. Подсудимый заплакал, а вместе с ним заплакали нардеды Попкова и секретарь Краснова...

В их горле всгас слезливый ком?.. Но все же, право, неприлично О „кулачке“ рыдать публично И утираться кулачком!..

ШКОЛА ВО ВЛАСТИ ПРОИЗВОДА

В общежитии областной совпартшколы в Свердловске курсантам нет места: все комнаты заняли семейные, а холостых студилки так, что повернуться негде. В коридорах топят обед, бьют детей, устраивая здесь же „уборные“.

Не общежитие, а триюки, — оригинальнейший „нарпит“: они грызут гранит науки, а их грызет тяжелый быт!

ТРУДНОСТИ ХИЩЕНИЯ

— Проклятые грузоотправители! В такую тару товар упаковывают, что никак до дому не дотащишь!

Вильям в боре

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Проводить покойника на кладбище и похоронить его — штука немудреная. Даже с оркестром за счет завкома, даже с организованными рабочими. Старо!

Свежую струю в „обслуживание“ покойников внес завком „Красного Профинтерна“ (Днепропетровск). Умершую работницу винтового цеха проводили рабочие на кладбище с оркестром музыки, все как следует. Но зато обратно шли тоже с покойницей и молчаливым оркестром. Фокус простой: завком забыл заблаговременно выкопать могилу.

Какая разница? Не сумел завком похоронить работницу, но зато как угробил похороны!

ГАЗЕТОЧЕРПАЛКА

До сих пор в металлургии употреблялись только шлаковые ковши, но „Комсомолец Украины“ в номере 191 помещает фото с подписью: „Ремонт (шляхового) дожного ковша“.

Каким это ковшом редакция черпает подобную галиматью?

ОСТОРОЖНО, КУСАЕТСЯ

19 августа с Архангельской радиостанции во время лекции о театре, искусстве и литературе слышались бесконечные возгласы диктора: „Смени меня, я жрать хочу“, „хочу жрать, смени“.

„Сменили“ бы его, — пусть „жрет“.

СПИЧКИ, А ГОРЯТ

Государственный ленинградский областной спичечный трест на этикетках спичечных коробок так рекламирует свою продукцию:

„По стандарту в коробке не менее 52 спичек. Каждая спичка зажигается и горит.“

Неужели правда? До сих пор мы знали только зажигающиеся, но не горящие спички или горящие, но не зажигающиеся, но чтоб и «зажигались» и «горели», — нет, это не может быть, это наверно не спички.

А вы знаете, между прочим, про кого это дети поют: „Гори, гори ясно“?..

ИЗ СМЕТЫ ВОН

Татотдел медсантруд смету 1932 г. своему райместкому на ст. Агрыз (Моск.-Каз. ж. д.) прислал только в июле.

По присланной смете на подготовку кадров выделено 80 копеек. На антирелигиозную и антиалкогольную работы выделено тоже по 80 копеек.

При этом Татотдел райместкому ст. Агрыз, насчитывающему 120 членов, предлагает „из сметы не выходить“.

Любопытно, почему сметливость в подобных сметах?

МЕТЕО-РАСПОРЯЖЕНИЯ

Пешеланский сельсовет (Арзамасский район Ниж. края) ставит в известность Новоселовский колхоз, что по распоряжению райколхозсоюза сегодня, т.-е. 20/V-32 г., будут заморозки в 9 ч. 45 м.

Подпись — Мишкин.

Говорят, что соседний райколхозсоюз, чтоб не ударить в грязь лицом, в порядке встречного выдвинул на 21/V проливной дождь

в Арзамасский район. Дождь научный: настаивался на особых лечебных травах, полезен сельсоветам от чрезмерной пыли и засорения.

СВЕТ С ВОСТОКА

В Бурято-Монгольской республике, а именно в Субукто-Харьястском сомоне Кяхтинского аймана изобретен почти молниеносный способ ликвидировать неграмотность. Полнейший переворот в деле народного образования, и при том по крайне простому рецепту: неграмотных, а главное, отказывающихся „ликвидироваться“, арестовывают и сажают в „катаджку“. Туда же сажают и ликвидатора с букварем и керосиновой лампой...

И что же, — однажды четверо арестованных за ночь выучили 17 букв!

Говорят, по этим показателям в сомоне планируют пятилетку грамотности: одна ночь — 17 букв, две ночи — азбука изучена, а ежели посадить неграмотных на год-полтора — знание наизусть „Войны и мира“, а в крайнем случае „Це-мента“ вполне обеспечено.

Воистину, „свет с Востока“! Только от такого света в глазах темно.

Дружеский фотошарж Б. Клинка

ПОЧЕТНЫЙ САДОВОД — АЛЕКСЕЙ МАКСИМЫЧ.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, Ш. Мануальский, Л. Иттицкий.

Зав. редакцией Н. Абрамский.

Ответственный редактор М. Мануальский

Москва. Изд. № 918

Служба текста и рисунков — 13/IX

Подпись и печать — 17/IX

Статформат А4—210×297 Печатных листов 2¹/₂. Кол-во знаков 100.000

Уполномоч. Главгиз № В—19227.

2-я тип. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Суворовск. вал, 49.

Зак. № 2322

Тираж 400.000 экз

№ 2703.6

АРХИВ
13 ОКТ. 1977
Г. Ц. Н.

ВЫБОРЫ СЛУГИ

— Вы говорите, что вы социал-демократ? О, тогда не нужно никаких рекомендаций!